

УДК 821.161.1“18”

И.В. Грачева**НАСЛЕДИЕ А.С. ПУШКИНА
В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЯЗАНИ
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: ПОЭЗИЯ А.В. АНТОНОВА ***

Поэзия А.В. Антонова была заметным явлением рязанской литературной жизни XIX века. В то же время его имя в культурно-историческом процессе Рязанского края стоит особняком. Он происходил из купеческой среды и, не получив достаточного образования, не встречая понимания и поддержки в семейном и приятельском окружении, упорно занимался саморазвитием и литературной деятельностью. Если в жанре басни он подражал Эзопу и И.А. Крылову, то в лирике образцом и ориентиром для него служило творчество А.С. Пушкина. В статье рассматривается влияние пушкинского наследия на литературные искания Антонова. Это путь от ученического подражания к попыткам по-своему осмыслить и интерпретировать пушкинские темы и мотивы. Антонов мог и polemизировать с Пушкиным, если какие-то черты пушкинского мировидения оказывались ему чуждыми. Изучение рязанской альбомной культуры первой половины — середины XIX века показывает, что молодые рязанские дворяне не выделяли Пушкина из круга других русских поэтов той поры, известных и малоизвестных. Для них он был одним из многих. И следует отдать должное художественной чуткости Антонова, который избрал Пушкина своим учителем и «собеседником». Задуманная Антоновым повесть в стихах «Мещанка» навеяна пушкинским романом в стихах «Евгений Онегин». К сожалению, самые интересные и талантливые замыслы Антонова остались в рукописях. Статья знакомит читателя с архивными находками, позволяющими расширить представление о творчестве этого рязанского поэта.

Рязань, историко-культурный процесс, поэзия, наследие А.С. Пушкина, литературные традиции, творчество А.В. Антонова.

Я.П. Полонский, детство которого прошло в Рязани, вспоминал, что в 1830-е годы рязанское общество к поэзии А.С. Пушкина относилось с холодным равнодушием и не только не считало его первостепенным поэтом, но даже находило «не вполне приличным. Молодежи в руки не давали стихов его». Зато «Бенедиктов был в великой славе. Каждое вновь появляющееся его стихотворение тотчас заучивалось наизусть»¹. Рязань подражала московским вкусам. А.А. Фет рассказывал, как приказчик московской книжной лавки, предложивший ему томик Бенедиктова, с гордостью заявил: «Этот почище Пушкина-то

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Правительства Рязанской области. Проект РГНФ 15 – 14 - 62001 а (р) «Рязанский край в контексте русской литературы: региональный аспект исследования».

¹ Полонский Я.П. Проза. М.: Советская Россия, 1988. С. 332, 325.

будет»². Полонский познакомился с поэзией Пушкина случайно. Накануне поступления в гимназию он брал уроки французского языка у А.П. Тюрберт, дочь которой Софи позволила ему пользоваться книгами из своего шкафчика. Там Полонский и обнаружил рукописную тетрадь с оглавлением «Братья-разбойники». В гимназии же по рукам его товарищей ходило немало произведений Пушкина, но не потому, что его поэзией увлекались, а лишь потому, что «запрещенный плод казался дороже»³.

Представление о литературных интересах того времени дают тетради для стихов 1820–1830-х годов молодых рязанских дворян: Алексея Измайлова, сына статского советника М.В. Измайлова, уездного предводителя рязского дворянства в 1806–1808 годах и губернского предводителя в 1807–1809 годах, а также Никола Горбова, сына коллежского асессора Д.И. Горбова, дважды в 1812–1817 годах избиравшегося уездным предводителем касимовского дворянства. Их сборники свидетельствуют о популярности в Рязани произведений П.А. Вяземского, Е.А. Баратынского, И.А. Крылова. Оба молодых человека были поклонниками таланта героя войны 1812 года Д.В. Давыдова. Николаю Горбову были близки «Думы» К.Ф. Рыльева. Состав сборников показывает, что произведения дяди Пушкина, В.Л. Пушкина, были, пожалуй, более известны в те годы в Рязани, чем его даровитого племянника. У Горбова находим несколько ранних стихотворений А.С. Пушкина: «К Морфею», «Адели» (под названием «В альбом малютке»), «Домовому», «Друзьям» («Вчера был день разлуки шумной...»), «Земля и море», «Нереида», «Песнь о вешем Олеге», отрывок из стихотворения «Наполеон»⁴. В сборнике Измайлова есть стихотворения «Птичка», «К портрету Жуковского», «К морю» (под названием «Прощание с морем») и вторая глава из «Евгения Онегина»⁵. У обоих владельцев тетрадью находим пушкинское послание «К Алексею»⁶. Неясно, был ли это независимый друг от друга выбор или кто-то переписал у другого, так как Измайлов и Горбов были хорошо знакомы.

Тетрадь Марии Желтухиной, дочери полковника Н.Н. Желтухина, михайловского уездного предводителя дворянства в 1836–1841 годах, относится к периоду 1840-х — начала 1850-х годов. Первая ее часть — это учебный материал по истории изящной словесности, результат занятий с домашним учителем, где Пушкин здесь представлен лишь стихотворением «Муза». Во второй части — стихи, записанные Марией, среди них есть пушкинские «К морю» и «Зимний вечер». Затем появляются записи, сделанные другим почерком: владелица альбома и ее поклонник передают свои чувства с помощью стихов разных авторов.

² Фет А.А. Воспоминания. М.: Правда, 1983. С. 137

³ Полонский Я.П. Проза. С. 332.

⁴ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). НБ (Научная библиотека). № 13054. Л. 28 об. 31 об., 48, 77, 90, 94–96.

⁵ ГАРО. НБ. № 13022. Л. 14 об.–16, 36 об., 20–29.

⁶ ГАРО. НБ. № 13054. Л. 84 об.; № 13022. Л. 4.

В этот диалог вплетается маленький отрывок из «Кавказского пленника», «Ты и вы» и очень неточно процитированный «Демон»⁷.

Пушкинские произведения в этих сборниках рассеяны хаотично, иногда даже без указания имени автора. В тетради Измайлова именем А.С. Пушкина подписан отрывок из поэмы Е.А. Баратынского «Эда». Чувствуется, что владельцы тетрадей не отдавали Пушкину особого преимущества перед второстепенными журнальными поэтами, стихи которых они выписывали. Разумеется, и в Рязанском крае были «культурные гнезда», становившиеся очагом просвещения для целой округи. П.П. Семенов-Тянь-Шанский, семье которого принадлежало село Урусово Раненбургского уезда Рязанской губернии, рассказывал, что в их имении в конце 1820-х — начале 1830-х годов выписывались, «кроме газет и журналов, все новинки русской литературы». В их дом собирались гости, чтобы послушать мастерское чтение отца, знакомившего всех с новыми произведениями Жуковского, Пушкина и др. Семенов писал: «...я в возрасте 4–5 лет знал наизусть много стихов Пушкина, которые с тех пор держались в моей памяти»⁸. Но подобные явления не составляли общего фона культурной жизни рязанской провинции того времени, являясь скорее исключением.

Поэтому необычным представляется интерес к творчеству Пушкина выходца из той среды, где увлечение литературой почиталось «блажью» и вызывало лишь насмешки. Александр Васильевич Антонов (1825–1893) был внуком государственного крестьянина и сыном зажиточного рязанского купца. Его отец В.Е. Антонов, хотя и избирался три срока (в 1845–1856 годах) городским головой, но по домостроевской традиции считал, что для купеческого наследника достаточно знать основы грамоты и арифметики, а главную науку он должен проходить, помогая в торговых делах отцу. С 14 лет Александр уже работал в мучной лавке. Он вспоминал, что в Рязани 1830–1840-х годов среди купечества «многие отцы семейств не знали грамоты, а матери ходили в сарафанах, епанечках и поневах»⁹. Антонов сам занимался своим образованием, составил обширную библиотеку, знал древнерусскую литературу и русскую классику XVIII–XIX веков, собирался сделать самостоятельный стихотворный перевод «Слова о полку Игореве». Пушкин стал для него не только образцом высокой поэзии, но и «собеседником», с которым он вел поэтический диалог на протяжении всего своего творчества. Составляя сборники своих сочинений для печати, Антонов не скрывал, что некоторые из них написаны под влиянием Пушкина. Так, стихотворению «Туча» он дает подзаголовок «Подражание А.С. Пушкину». Оно перекликается с пушкинским «Зимним вечером» («Вечер, ты помнишь, вьюга злилась, / На мутном небе мгла носилась...»). Антонов пишет:

⁷ ГАРО. Ф. 1338. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об., 53 об., 55 об., 60, 64 об., 66.

⁸ Семенов-Тянь-Шанский П.П. Детство и юность // Русские мемуары. 1826–1856. М.: Правда, 1990. С. 426–427.

⁹ Грачева И.В. Купцы о купцах. Нравы рязанского купечества первой половины XIX века. Взгляд «изнутри» // Московский журнал. 2013. № 2. С. 45.

Ты помнишь, недавно, о друг мой прекрасный,
Как мрачен и грозен был неба свод ясный,
И буря ревела и гром грохотал...¹⁰

Как и у Пушкина, у Антонова угнетающая душу непогода сменяется картиной торжества природной красоты. В стихотворении «Фантазия» («Там, где солнце в день весенний / Блещет ярче и светлей...») чувствуются переключки с пушкинским «Талисманом» («Там, где море вечно плещет / На пустынные скалы, / Где луна теплее блещет / В сладкий час вечерней мглы...»). Но вместо пушкинского романтического колорита и образа женщины-«волшебницы» с ее властными любовными чарами у Антонова — скромный пейзаж, дом, в окне которого «виден чей-то черный локон, / Чей-то грусти полный взор»¹¹.

Пушкинские мотивы и образы у Антонова приобретают особый колорит, погружающий читателя в атмосферу бытовой повседневности русской провинции, в мир простонародья, мещан, мелких торговцев и чиновников. Антонов на протяжении всей жизни работал над повестью в стихах «Мещанка». Рассказ о первой любви простодушной мещаночки Маши, живущей на окраинной рязанской улочке, напоминает рассказ о Татьяне из «Евгения Онегина» и в то же время полемизирует с ним. Несмотря на разницу в сословном положении, обе героини мечтательны. Татьяна часто «целый день одна / Сидела молча у окна». У открытого окна проводит летние вечера, о чем-то задумавшись, Маша. Сходны описания бессонной ночи влюбленных героинь. Но, по словам Пушкина, «изнеженные пальцы» Татьяны не знали женских рукоделий. Маша и ее мать живут тем, что плетут кружева на продажу. Избранник Татьяны — блестящий воспитанник петербургского «большого света». Онегин привлекает ее тем, что он — человек более высокого интеллектуального и духовного уровня, чем соседи-помещики. Сердце Маши пленил скромный коллежский регистратор. Для Маши он необычен своими деликатными манерами, отличными от грубоватой простоты нравов мещанской среды: «...он так вежлив, мил, / Так нежно чувства объясняет...». Но согласие Маши прийти на ночное свидание более рискованно, чем тайное письмо Татьяны к Онегину:

Помилуй Бог, беда случится:
Узнают люди, сестры, мать,
Тогда съедят ее живую!¹²

К сожалению, история рязанской мещаночки обрывается на этом кульминационном моменте. Героиня Антонова в своей душевной чистоте и наивно-простодушном кокетстве близка образам картин В.А. Тропинина «Кружевница», «Золотошвейка», «Пряха» и др.

¹⁰ Антонов А.В. Стихотворения. М., 1864. С. 30.

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Антонов А.В. Стихотворения. С. 89.

Пушкин в «Евгении Онегине» рисует нравы столичного и поместного дворянства. Антонов сохранил для нас облик окраин Рязани: заросшие травой переулки, мещанские домики, окруженные садами, цветущая сирень, свешивающаяся через заборы, флигельки внутри дворов, отдающиеся в наем, горшки герани на окнах, незатейливое украшение интерьеров:

...портрет Екатерины,
Ермак, Суворов на коне,
Да две пастушеских картины
В окошко видны на стене¹³.

Антонов, следуя за Пушкиным, намеревался вплетать в свою повесть лирические отступления, многочисленные отрывки которых находим в его черновиках. В одном из них угадываются реминисценции из величаво-торжественного вступления к пушкинскому «Медному всаднику»: «Люблю тебя, Петра творенье...». Но Антонов в облике старинных русских городков находит не менее прекрасного, трогающего душу, чем в пышной панораме Петербурга. В отрывке, начинающемся словами «Люблю тебя, Р...нь родная...», он пишет:

Люблю твои сады густые,
Овраги, улицы глухие —
Приют всегдашней тишины;
Кладбище, где мои родные,
Мои друзья схоронены;
Твоих окрестностей картины:
Полей широкие равнины,
Веселый Трубеж под горой,
Лугов зеленые долины,
Оку и дальний бор сырой...¹⁴

«Дальний бор» — это лес, известный под названием Луковского.

Как и Пушкин, Антонов в лирических отступлениях вспоминает о своем детстве, делится своими раздумьями и переживаниями, порой вставляет колкие замечания по поводу нравов рязанского общества. Как и у Пушкина, у него есть развернутые картины времен года. Описание сельской зимы у Пушкина начинается строкой: «Встает заря во тьме холодной...»

Татьяна...
С ее холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнце иней в день морозный,
И сани, и зарю поздней
Сиянье розовых снегов,

¹³ Там же. С. 36.

¹⁴ ГАРО. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 18. Л. 3 об., 4.

И тьму крещенских вечеров.

Антонов пишет о себе:

Люблю зимой во время утра
Прозрачный отлив перламутра
На стеклах матовых в окнах,
Туман дымовый над домами
И в полдень — солнышко столбами,
Искристый блеск в его лучах;
Поля, покрытые снегами,
Деревья с белыми ветвями,
Алмазов нити на кустах,
И в пять часов закат огнистый,
В кольце на небе месяц чистый
И тени легкие кругом,
И крики галок над селом,
И ночью светлой треск мороза,
И запоздалого обоза
По снегу дружный скрип саней,
И звон, и мерное брэнчанье
И бубенцов, и глухарей,
И крик извозчиков, и ржанье
Привал почуявших коней.

<...>

Люблю зимою легкость бега
Дорогой ровной столбовой
И пар от тройки удалой;
Огонь далекого ночлега —
Как волчий глаз во тьме ночной;
Полночной бури завыванье,
Метели шум и ветра вой:
Они мне милы, как преданья
Моей отчизны дорогой
Или минуты вспоминанья
О годах юности былой!¹⁵

«Мечты, мечты! где ваша сладость?» — писал Пушкин. И признавался, что в его молодых мечтах женские образы занимали главное место:

Замечу кстати: все поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мне снились, и душа моя

¹⁵ ГАРО. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 18. Л. 6 об., 7 об.

Их образ тайны сохранила...

Антонов варьирует эту тему:
Мечты, мечты! Хоть пользы мало
От вас я в жизни получил,
Но как я шепот ваш, бывало,
Душой младенческой любил!

Однако, в отличие от Пушкина, его «милыми предметами» оказались не бальные красавицы, не романтические образы «девы гор» или «пленниц берегов Салгира» («Евгений Онегин»), а девицы из сельских хороводов. Антонов так повествует о своих мечтах:

Как часто с ними, сын свободы,
Летал по селам я родным,
Сбирал там пляски, хороводы
И меж простых детей природы
Кружился парнем удалым!¹⁶

Интересно, что в тетради Антонова после описания Рязани и зимней поры чьим-то другим почерком отмечено: «Прекрасно» и «Весьма хорошо».

Пушкин вспоминал о своем юношеском увлечении романтизмом:

В то пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...

Но наступила пора зрелости, изменились литературные и житейские вкусы:

Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да шей горшок, да сам большой.

О том, как с годами лирический герой переходит от романтизма к иному мировидению, рассказывается в одном из отрывков Антонова:

Певцу наскучили виденья,
Мечты во тьме ночей глухих,
В груди огонь, в крови волненья,
Ума и памяти мученья
В подборе к мыслям рифм живых.
Он разлюбил очарованья
Сильфид, и пери, и ундин,
И добровольные страданья

¹⁶ ГАРО. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 18. Л. 5 об.

Без всяких видимых причин,
И он на гвоздь повесил лиру,
На волю музу отпустил,
Поял жену себе Глафиру
И в цех прозаиков вступил ¹⁷.

Этот рассказ в какой-то мере напоминает один из вариантов судьбы Ленского, представленный в «Евгении Онегине».

Остается лишь жалеть, что повесть «Мещанка», как и другие крупные замыслы Антонова, осталась лишь в набросках. Но эти отрывки открывают неожиданные, самобытные черты таланта рязанского писателя.

Его современникам-рязанцам из дворянского круга были близки пушкинские «Элегии». Они соответствовали общему духу разочарованности, ощущению унылой бесцельности жизни, захватившему в Николаевскую эпоху и слои провинциальной интеллигенции. В тетради Н. Горбова находим пушкинское стихотворение «Я пережил свои желанья...», у А. Измайлова — «Погасло дневное светило» и вписанное кем-то из Горбовых «Я видел смерть, она в молчаньи села...» ¹⁸. Судя по количеству восклицательных знаков, отсутствующих у автора, это довольно мрачное произведение особенно тронуло душу переписчика. Антонову, хотя и жалующемуся порой на духовное одиночество и непонимание со стороны окружающих, все-таки меланхолия пушкинских элегий была чужда. Свои «Стансы» Антонов открывает пушкинскими цитатами, введенными в собственный текст:

Брожу ли я вдоль улиц шумных
И многолюдных площадей,
Сижу ль среди юношей безумных
Иль в сонме опытных мужей... ¹⁹

Однако в «Стансах» он полемизирует не только с грустью по поводу быстротечности человеческой жизни, звучащей в пушкинских стихах «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», но и с другим стихотворением — «Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана?». Как известно, это стихотворение вызвало горячую стихотворную отповедь московского митрополита Филарета: «Не напрасно, не случайно...». Он считал, что пессимистические настроения Пушкина порождены его маловерием, и укорял поэта в легкомысленной, греховной жизни ²⁰. Антонов, человек весьма религиозный, вслед за владыкой писал:

Не в дар напрасный — Бог природы
Нам жизнь земную даровал,
И не без цели в здешней жизни

¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 6 об.

¹⁸ ГАРО. Ф. № 13054. Л. 80; № 13022. Л. 37, 34.

¹⁹ Антонов А.В. Стихотворения. С. 17.

²⁰ Черейский А.А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1989. С. 466.

Он горе с радостью дал.
И не мала нам жизнь земная —
Предверье вечности святой,
Но сами малы и ничтожны
Для нашей жизни мы земной!²¹

Сборники басен и лирики Антонова, хотя и были рекомендованы Министерством просвещения для библиотек народных школ, особого успеха у публики не имели. Коммерческая деятельность и общественные обязанности Антонова, избравшегося городским головой, членом различных комитетов, попечительств и т. д., мешали его литературным занятиям. Но у него, несомненно, были и художественный талант, и эстетическая чуткость. Недаром своим литературным ориентиром он избрал А.С. Пушкина. Начав с ученического подражания, Антонов в зрелые годы по-своему интерпретировал пушкинские мотивы. И жаль, что самые интересные и яркие его произведения так и остались в черновиках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов, А.В. Стихотворения [Текст]. — М., 1864. — 97 с.
2. Государственный архив Рязанской области. НБ (Научная библиотека). — № 13022. — Альбом А. Измайлова ; № 13054. — Сборник стихов русских авторов Н. Горбова ; Ф. 1317. — Оп. 1. — Д. 2, 18. — Личный фонд А.В. Антонова ; Ф. 1338. — Оп. 1. — Д. 1. — Тетрадь для стихов М. Желтухиной.
3. Грачева, И.В. Купцы о купцах. Нравы рязанского купечества первой половины XIX века. Взгляд «изнутри» [Текст] // Московский журнал. — 2013. — № 2. — С. 42–49.
4. Полонский, Я.П. Проза [Текст]. — М. : Советская Россия, 1988. — 496 с.
5. Семенов-Тянь-Шанский, П.П. Детство и юность [Текст] // Русские мемуары. 1826–1856. — М. : Правда, 1990. — С. 411–513.
6. Фет, А.А. Воспоминания [Текст]. — М. : Правда, 1983. — 494 с.
7. Черейский, А.А. Пушкин и его окружение [Текст]. — Л. : Наука, 1989. — 544 с.

REFERENCES

1. Antonov, A.V. Stikhotvoreniya [Text]. — M., 1864. — 97 p.
2. Cherejskij, A.A. Pushkin i ego okruzhenie [Text] [A.A. Pushkin and his entourage]. — L. : Science, 1989. — 544 p.
3. Fet, A.A. Vospominaniya [Text] [Memories]. — Moscow : Pravda, 1983. — 494 p.
4. GARO NB (Nauchnaya biblioteka). N 13022. — Al'bom A. Izmajlova [State Archive of the Ryazan Region Scientific Library. N 13022. — The album of A. Izmailov.] ; N 13054. — Sbornik stikhov russkikh avtorov N. Gorbova [State archive of the Ryazan region scientific library. — N 13054. — Collection of poems by Russian authors of N. Gorbov] ; F. 1317. — Op. 1. — D. 2, 18. — Lichnyj fond A.V. Antonova [State Archive of the Ryazan Region Scientific Library. Fund 1317. — Inventory 1. — Case 2. — Private Fund of A. Antonov ;

²¹ Антонов А.В. Стихотворения. С. 18.

F. 1338. — Op. 1. — D. 1. — Tetrad' dlya stikhov M. Zheltukhinoj [State Archive of the Ryazan Region Scientific Library. The book of poems of M. Zheltuhina].

5. Gracheva, I.V. Kuptsy o kuptsakh. Nravny ryazanskogo kupechestva pervoj poloviny XIX veka. Vzglyad «iznutri» [Text] [Merchants on merchants. The Ryazan customs of merchants 19 the first half of the 20th century. Look inside // Moscow magazine. — 2013. — N 2. — P. 42–49.

6. Polonskij, Ya.P. Proza [Text] [Prose]. — M. : Soviet Russia, 1988. — 496 p.

7. Semenov-Tyan-SHanskij, P.P. Detstvo i yunost' [Text] [Childhood and adolescence] // Russian memoirs. 1826–1856. — M. : True, 1990. — P. 411–513.

I.V. Gracheva

A.S. PUSHKIN'S LITERARY HERITAGE AGAINST THE CULTURAL AND HISTORICAL BACKGROUND OF 19th CENTURY RYAZAN: A.V. ANTONOV'S POETRY

A.V. Antonov's poetry was a significant phenomenon of Ryazanian literary life in the 19th century. His name stands apart among other names of cultural and historical figures of the Ryazan region. A.V. Antonov was born into a merchant's family, received a rather mediocre education and was constantly busy with self-development. His family and his inner circle never understood his yearning for self-improvement and literary work. He tried himself in the genre of fables, where he imitated I.A. Krylov's style, and in the genre of lyric poetry, where he was inspired by A.S. Pushkin's works. The present article focuses on the influence A.S. Pushkin's literary heritage had on A.V. Antonov's literary work. It focuses on A.V. Antonov's attempts to imitate and interpret A.S. Pushkin's motifs. The analysis of Ryazanian album culture of the early 19th century shows that young noblemen of the Ryazan region of the period believed A.S. Pushkin to be just an ordinary poet. A.V. Antonov, on the other hand, managed to see the genius and chose him to be his "teacher" and "interlocutor". A.S. Pushkin's novel in verse "Eugene Onegin" inspired A.V. Antonov to start his novel in verse "Philistine", which unfortunately was never finished. The article acquaints the readers with some archival findings that unveil some obscure moments of the Ryazanian poet's life and literary work.

Ryazan, historical and cultural process, poetry, A.S. Pushkin's literary heritage, literary traditions, A.V. Antonov's work.